

Влияние реализации тона на изменение количества акцентных маркировок

Согласно имеющейся реконструкции, праиндоевропейские морфемы могли иметь одну из двух маркировок – «плюс» или «минус», что соответствовало высокому и низкому тону [см., например, Дыбо 1978: 61]. В современном же русском мы видим три маркировки – самоударность (↓), правоударность (→) и левоударность (←) – и ещё некоторое количество дополнительных помет: D («доминантность»), Init («начальное ударение»), Monosyll, Polysyll, Marg, Triv и Deox [Зализняк 1985: 36] (при этом обращает на себя внимание следующее существенное различие: корни бывают лишь самоударными или правоударными, тогда как все пометы и маркировка «←» относятся исключительно к суффиксам и окончаниям¹ [там же: 39]). Представляется, что развитие, приведшее к такому результату, было обусловлено характером изначальной индоевропейской реализации тона.

Индоевропейский язык имел многосложные слова, и в этих словах было ударение, например: **wǵkʷos* ‘волк’, **sūnús* ‘сын’. Многосложность слов давала возможность реализации тонального контура ударения на нескольких слогах: на самом ударном слоге тон повышался, а на заударном слоге (или на заключительной части ударного) интонация возвращалась в немаркированную позицию. Тональный контур ударения таким образом оказывался двухфазным, что создавало избыточность, позволявшую трактовать как основную часть ударения любую из фаз. Так, например, в древнегреческом языке, если тон повышался (или был высоким – если в праиндоевропейском, как предполагает В.А. Дыбо, были регистровые тоны) на самой ударной гласной, а понижался уже на следующей (например, вследствие краткости ударной гласной), это трактовалось как акут, ср. *λόγος* ‘слово’, если и повышение, и понижение тона успевали реализоваться на одной и той же гласной, это трактовалось как циркумфлекс, ср. *μνῆμα* ‘памятник’. При этом перед следующим словом, начинавшимся с ударного слога, повышения тона не происходило (поскольку не было возможности реализовать фазу падения тона): *σοφὸς λέγει* ‘мудрец говорит’, тогда как перед энклитиками, которые не имели собственного ударения и могли принять фазу падения тона на себя, акут сохранялся: *σοφὸς τις* ‘некий мудрец’.

Индоевропейские гласные могли быть как долгими, так и краткими, и если долгий слог позволял реализовать в своих рамках две фазы тонального контура ударения, то краткий – только одну, поскольку реализация следующей фазы блокировалась теми фонетическими признаками потока речи, которые создавали акустические ключи признака «краткость» (какова бы ни была их конкретная реализация). Но при этом, поскольку долгота-краткость была фонологична, реальное фонетическое различие между реализациями ударения на долгом и кратком слогах не могло быть замечено носителями языка и, следовательно, послужить источником значимой разницы.

Картина коренным образом изменилась, когда в праславянском индоевропейские долготные различия сменились тембральными:

ИЕ <i>*ī</i> > праслав. <i>*i</i> ;	ИЕ <i>*ī̄</i> > праслав. <i>*ī</i> ;
ИЕ <i>*ē</i> > праслав. <i>*e</i> ;	ИЕ <i>*ē̄</i> > праслав. <i>*ē̄</i> ;
ИЕ <i>*ā</i> > праслав. <i>*a</i> ;	ИЕ <i>*ā̄</i> > праслав. <i>*ā</i> ;
ИЕ <i>*ō</i> > праслав. <i>*o</i> ;	ИЕ <i>*ō̄</i> > праслав. <i>*ō</i> ;
ИЕ <i>*ū</i> > праслав. <i>*u</i> ;	ИЕ <i>*ū̄</i> > праслав. <i>*ū</i> .

Это привело к тому, что гласным, ставшим – с фонологической точки зрения – количественно одинаковыми, оказались сопоставлены различающиеся тональные контуры

¹ Корень может получить D только в результате перемаркировки [там же: 39].

ударения: в случае бывших долгих гласных контур успевал целиком реализоваться в пределах ударного слога, в случае же бывших кратких заключительная фаза оказывалась сдвинута на следующий слог. Поскольку фонетическая долгота в праславянскую эпоху, по-видимому, сохранялась, избыточность возросла за счёт того, что долготные, тембральные и тональные различия были взаимосвязаны друг с другом [ср. Olander 2009: 128]. Такая избыточность давала повод для реинтерпретации языковой системы.

И, вероятно, в это время (по крайней мере в восточнославянской диалектной зоне) началась реинтерпретация ударения: в качестве главной была засчитана фаза финального понижения интонации: если праиндоевропейские доминантные морфемы характеризовались, с максимальной вероятностью, высоким тоном, то в современном русском литературном языке ударение лишено собственной тональной составляющей – интонация определяется характером фразы, при этом наиболее «прототипический»² класс высказываний, сообщения, характеризуются понижающейся интонацией [Брызгунова 1980, 1997; Кодзасов, Кривнова 2001].

В целом, как пишут С.В. Князев и С.К. Пожарицкая, «основными коррелятами ударения в современном русском языке служат длительность и спектральные характеристики гласных» [Князев, Пожарицкая 2005: 123]. При этом ударный и первый предударный слоги образуют «просодическое ядро слова», будучи «отчётливо противопоставлены всем другим слогам» [там же], но примерно равными между собой по громкости, длительности и спектральным характеристикам гласных. Соответственно, можно говорить о сформировавшейся стратегии восприятия ударения в современном русском литературном языке: «из двух сильных ударный всегда второй»³ [там же: 124].

Когда именно формируется эта стратегия, сказать сложно, но, по-видимому, можно утверждать, что, начиная с какого-то момента в качестве ударения стало восприниматься не движение тона, а усиление звучания. Этому же способствовали и энклиномены, которые в независимой позиции имели, по предположению Р.О. Якобсона, ударение в виде усиления звучания при отсутствии повышения тона [Якобсон 1963: 9].

Такая реинтерпретация – ещё в (ранне)праславянском – привела к тому, что плюсовые корни с бывшим долгим гласным оказались самоударными (в них долгота гласного позволяла реализовать обе фазы в пределах одного слога), ср. *жѣто* ($i < *ī$), *стадо* ($a < *ā$), *дѣм* ($y < *ī$), *вѣра* ($ě < *ē$), *краду* ($a < *ā$ или $*ō$), *лѣзу* ($ě < *ē$), – и при этом, согласно [Зализняк 1985: 131–134], среди слов а.п. а нет ни одного с исконно краткостным корнем (кроме слова *ведро* ‘serenum’, которое может быть германским заимствованием, см. [Бурлак, Мельников, Циммерлинг 2002]). Напротив, плюсовые корни с кратким гласным (не находящимся в позиции перед сочетанием плавного с шумным) оказались правоударными, т.е. требовали постановки ударения на следующий после себя слог [Зализняк 1985: 122], ср., например, *бобѣ*, род. п. *бобѣ* ($o < *ā$), *весло* ($e < *ē$), *дѣно* ($ь < *ī$), *женѣ* ($e < *ē$), *тѣмѣ* ($ь < *ī$), *колю* ($o < *ō$), *жѣну* ($ь < *ī$), *стелю* ($e < *ē$), *сѣлю* ($ь < *ī$)⁴. В восточнославянской диалектной зоне полногласные сочетания (ставшие двусложными) получили ударение на второй слог [Зализняк 1985: 119], ср., например: *морозѣ*, *холопѣ*, *ворона*, *берѣза*, *болото*; точно так же именно на втором слоге имеют ударение и многие другие двусложные морфемы, ср., например, *языкъ*, *четыре*, *готовѣ*.

Таким образом, количество маркировок увеличилось по сравнению с праиндоевропейским состоянием: вместо двух – «плюс» и «минус» – появилось три, поскольку плюсовая маркировка разделилась на две: «самоударность» и «правоударность». В результате этого характеристикой каждой морфемы стал не тип тона

² См. [Бурлак 2012: 135].

³ Поскольку, «если бы ударение было на первом гласном, второй был бы редуцированным» [там же].

⁴ Отметим, однако, что среди слов а.п. в слова с исконно долготным или двусложным корнем встречаются, ср., например, *грѣхъ*, *быкъ*, *трудъ*, *рѣка*, *трава*, *комаръ*, хотя таких слов и сильно меньше, чем слов с односложным краткостным корнем [Зализняк 1985: 134–135].

превосходят по частотности (в тексте) большинство корневых морфем. И уже на этапе раннедревнерусского языка некоторые послекорневые морфемы (и только они) приобретают маркировки с пометами Re и Min, вносящими поправки к маркировке «правоударность» (Re «возвращает» ударение на слог влево по сравнению с тем, что было бы без этого эффекта, а Min превращает предшествующую правоударность в минус), ср., например:

но́ж - *ик* - *ъ*, а не **ножи́къ*, как получилось бы при отсутствии пометы Re;

→ →Re –

мо́ж - *е* - *те*, а не *можёте, как получилось бы при отсутствии пометы Re;

→ →Re ↓

вълхв - *ова́* - *ти*, а не **вълхво́вати*, как получилось бы при отсутствии пометы Min.

→ ↓Min ↓

Отметим, что в праславянскую эпоху этих помет ещё не было [Зализняк 1985: 165; Дыбо 1981], а в древнерусский период их получили лишь некоторые наиболее употребительные словоизменительные и словообразовательные аффиксы: соединительный вокалический морф *-e-*, *-y-*, *-и-*, *-я-* в личных формах презенса [Зализняк 1985: 143], тематический элемент *-ова-* в инфинитиве [там же], вокалический соединительный морф в членных формах прилагательных [там же: 142], окончания большинства падежных форм местоименного склонения и нек. др. [там же: 141–142].

В дальнейшем число аффиксов, способных своим особым образом (невыводимым из их исконной доминантности или рецессивности) влиять на место ударения, становится всё больше, и способы их влияния становятся всё более разнообразными; в итоге в современном русском языке возникают суффиксы с маркировкой «левоударность», такие, как *-ово*, *-ушка*, *-чат-* [там же: 83, 85, 88], многие суффиксы получают дополнительные пометы, такие, как, например, Polysyll («ударение требует поправки при неоднозначности базового компонента» [там же: 36]), Init («начальное ударение» [там же]), Marg («суффикс становится правоударным при маргинальной подвижности в производящем слове» [там же]) и т.д., некоторые суффиксы достигают доминантности, как, например, *-ашка* ↓D, *-ль* ← D Init, *-отня* →D, *-изм* ↓D [там же: 64–71; 382–385].

Такого рода изменения являются следствием попыток обобщить то правило, которое было выведено из запомненных словоформ, но при этом приписать его влиянию аффикса. Рассмотрим в качестве примера суффикс *-ят(а)*. В древнерусском этот суффикс имел маркировку ↓ и не был доминантным, о чём свидетельствуют такие формы, как *я́гнята* или *ку́рята* [там же: 146–147], где корень является самоударным и сохраняет ударение на себе. В современном русском этот суффикс стал доминантным [там же, 65] и перетягивает ударение на себя: *ягня́та*. Если посмотреть, какие словоформы могли послужить для носителей современного русского языка материалом для понимания того, как себя ведёт данный суффикс, окажется, что чаще всего в текстах встречаются те формы, которые (в полном соответствии с изначальным правилом!) несут ударение на *-ят-*: согласно частотному словарю [Ляшевская, Шаров 2009], самая частотная форма с этим суффиксом – *ребята* – имеет частоту 148,9 (на миллион словоупотреблений), более чем в 10 раз превосходя следующую по частотности форму – *котята*. И даже если исключить форму *котята*, как набравшую большую популярность слишком поздно, в тройку наиболее частотных, наряду с *ребята*, войдут *поросята* и *телята*, где ударение также стоит на суффиксе в соответствии с изначальным правилом. Самая частотная из форм, где ударение должно было бы стоять на корне, *медвежата*, встречается реже, чем *ребята*, более, чем в 20 раз, прочие формы такого типа – ещё реже. Таким образом, у того, кто овладевает русским языком, оказывается в распоряжении масса примеров тому, что морф *-ят-* несет на себе ударение, при большой редкости примеров, где ударение при наличии *-ят-* стоит на корне. В итоге правило обобщается в виде: «морф *-ят-* всегда ударный», и появляются формы типа *медвежа́та*, *тигря́та* и т.д., что – при наличии а.п. а у слов *медведь* и *тигр* [Зализняк 1980: 528, 586] может быть описано только как

доминантность морфа *-ят-*. Началось движение в этом направлении достаточно давно: по данным [Зализняк 2011: 285, 287], в XVII в. *күрята* ещё сохраняли исходное ударение, *ягнята* сосуществовали с *ягнятами*, а *утята* уже имели ударение на *-ят-*.

Можно отметить, что сходного типа идея (отсчёт характеристик словоформы от послекорневых морфем) была опробована в акающем диалекте Москвы с гласными в глагольных формах, которые стали отстраиваться относительно *-ить*, ср.: *ходить* – *ходит*, *катить* – *котит*, *садить* – *содит*, *налить* – *нолит* (последний пример показывает, что в данной модели играл роль не корень, а именно позиция относительно *-ить*).

Легче всего новым тенденциям подчиняются заимствованные аффиксы [Зализняк 1985: 64]. Так, например, суффикс *-изм* в русский язык принесли люди, знавшие латынь и, естественно, ставившие ударение, согласно латинским правилам, на *и* (*-ismus* < греч. *-ισμός*). В результате правило обобщилось в виде «в словах с суффиксом *-изм* ударение всегда стоит на суффиксе», и новые слова образовывались уже в соответствии с этим правилом, ср. *ленинизм*, *сталинизм*, *троцкизм* (при том, что фамилии *Ленин*, *Сталин* и *Троцкий* имеют неподвижное наосновное ударение и не должны были бы его терять, если бы ударение подчинялось базисному правилу, согласно которому место ударения привязано к самой левой морфеме, имеющей неминуемую маркировку, см. [там же: 123]).

Сохранение в русском языке суффиксов, не достигших доминантности, обусловлено тем, что при словообразовании источником выведения места ударения в производном слове может служить место ударения в производящем, поэтому комплексы «приставка + корень» получают перемаркировку и ведут себя как единые морфемы, в большинстве случаев – со вторым (при односложном префиксе и односложном корне) ударным слогом [там же: 38–43] (что сближает такие комплексы с исходными двусложными морфемами, также имевшими в большинстве случаев ударение на втором слоге).

В результате таких преобразований общий принцип работы акцентной системы радикально поменялся: если в прабалтославянские времена ударение было привязано к самой левой плюсовой маркировке (в этом отличие прабалтославянского от абхазо-адыгского, где ударение привязано к последнему плюсу перед первым минусом, см. [Дыбо 2001]), а в современном русском «ударение привязано к самой правой маркировке, содержащей D» [Зализняк 1985: 37], то есть, «решающее слово» в том, где будет поставлено ударение, оказывается за последним из суффиксов (и даже может быть отодвинуто ещё дальше: если самой правой оказывается «маркировка →D, стоящая не последней в цепи, то ударение привязывается к следующей маркировке» [там же]).

После фонетического совпадения автономного ударения с автоматическим позиция ударения в словоформе начинает зависеть не от этимологически исконных характеристик входящих в эту словоформу морфем, а от её грамматического значения, а также от семантики лексемы, степени её освоенности и т.д. [там же: 371–372].

Таким образом, можно видеть, как взаимодействие исходной тональной характеристики ударения с сегментными изменениями гласных ведёт к увеличению количества акцентных маркировок.

Литература

- Брызгунова 1980 – Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.
Брызгунова 1997 – – Брызгунова Е. А. Система интонационных средств // Современный русский язык. М., 1997.
Бурлак 2012 – Бурлак С. А. Человеческий язык как коммуникативная система-комментарий // Вестник РГГУ, сер. Языкознание. 2012. — № 8 (88). — С. 132–145.
Бурлак, Мельников, Циммерлинг 2002 – Бурлак С. А., Мельников А. С., Циммерлинг А. В. Параллели между славянскими и германскими языками: индоевропейское наследие и типологическое сходство // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. Отв. ред. Т.М. Николаева. М., 2002. 560 стр. С.112-184.

Дыбо 1978 – *Дыбо В. А.* Тонологическая гипотеза генезиса индоевропейских акцентных систем // Конференция. Проблемы реконструкции (Тезисы докладов). М., 1978. С. 56–61.

Дыбо 1981 – *Дыбо В. А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981. 272 с.

Дыбо 2001 – *Дыбо В. А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Том I. М.: Языки русской культуры, 2001. 736 с.

Зализняк 1985 – *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. 428 с.

Зализняк 2011 – *Зализняк А. А.* Труды по акцентологии. Том II. Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII вв.). М.: Языки славянских культур, 2011. 352 с.

Князев, Пожарицкая 2005 – *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия. М., 2005. 320 с.

Кодзасов, Кривнова 2001 – *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. 592 с.

Ляшевская, Шаров 2009 – *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2009. 1087 с.

Якобсон 1963 – *Якобсон Р. О.* Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии // *American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963. P. 153–178.*

Olander 2009 – *Olander T.* Balto-Slavic accentual mobility. Berlin; New York, 2009. 274 p. (Trends in linguistics. Studies and monographs; 199).